

Филипп К.
ДИК

ВСПОМНИТЬ ВСЕ

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д 45

Philip K. Dick

SECOND VARIETY. Copyright © 1953, Philip K. Dick.
All rights reserved. www.philipkdick.com.

THE FATHER-THING. Copyright © 1987, The Estate of Philip K. Dick.
All rights reserved. www.philipkdick.com.

THE MINORITY REPORT
Copyright © 2002, Laura Coelho, Christopher Dick & Isa Dick.
All rights reserved. www.philipkdick.com.

WE CAN REMEMBER IT FOR YOU WHOLESALE
Copyright © 1987, The Estate of Philip K. Dick.
All rights reserved. www.philipkdick.com.

Дик, Филип Киндред.

Д 45   Вспомнить все : рассказы / Филип К. Дик ; [пер. с англ. В. Баканова, А. Жаворонкова, М. Осиповой и др.]. — Москва : Эксмо, 2015. — 1360 с. — (Гиганты фантастики).

ISBN 978-5-699-64424-7

Это издание — настоящий и долгожданный подарок для всех поклонников Филипа К. Дика. Впервые в одну книгу подарочного формата вошли авторские сборники рассказов признанного мастера. Несмотря на то что они были написаны почти полвека назад, истории, рассказанные «разрушителем Вселенных», не потеряли своей актуальности и в наше время. Многие произведения Филипа Дика неоднократно экранизировались, среди самых известных — фильм «Бегущий по лезвию бритвы» с Харрисоном Фордом в главной роли. А по рассказу «Воспоминания оптом и в розницу» в 2012 г. был выпущен фильм «Вспомнить все» с Колином Фаррелом в главной роли.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© В. Баканов, А. Жаворонков, М. Осипова, М. Пчелинцев, М. Черняева, И. Почиталин, О. Мороз, Г. Корчагин, А. Лидин, А. Криволапов, А. Петрушина, А. Круглов, М. Десятова, Л. Пlostак, В. Женевский, А. Ахмерова, С. Рюмин, А. Гузман, А. Корженевский, перевод с английского, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-64424-7

ВСТУПЛЕНИЕ¹

«**В**кус Уаба», опубликованный в тысяча девятьсот пятьдесят втором году, стал дебютом Филипа К. Дика в жанре рассказа. В сборник «Вторая модель» вошли двадцать семь рассказов, напечатанных между тысяча девятьсот пятьдесят вторым и пятьдесят пятым годами, когда появилась первая крупная повесть «Солнечная лотерея». Тем не менее в наш сборник не включены все рассказы, опубликованные за первые четыре года его писательской карьеры.

Что примечательно само по себе. Мало кто может похвастаться столь крупными тиражами за первые четыре года писательства, даже если мы говорим о периоде, когда спрос на научно-фантастические рассказы был весьма велик и редакторам было куда их пристроить. Приходится признать, что сюжеты некоторых из этих рассказов весьма банальны, однако в большинстве своем они демонстрируют таланты Дика, проявившиеся в более поздних работах; да и в остальных узнается рука мастера.

А принимая во внимание то, что рассказы были написаны за столь короткое время, да еще и стали первой публикацией начинающего писателя, принимая во внимание, что Дик, должно быть, «строчил» не покладая рук, спеша заработать и денег, и имя, они просто поражают.

Поражают отсутствием популярных литературных приемов. Вы не найдете среди них ни приключенческих рассказов, ни «космической оперы»; нет здесь ни детальных и пространных описаний фантастической «машинерии», ни энциклопедического изложения бытия инопланетной цивилизации. Неустрашимые герои, отвратительные злодеи, безумные ученые не водятся на страницах его произведений. Да и вообще нет битв хороших парней с плохими. С первых же строк Дик отвергает все существовавшие в его время правила коммерчески успешного научно-фантастического рассказа. Даже выбивающиеся из общего ряда рассказы «с изюминкой» — это рассказы со специфической «изюминкой» Дика. С самого начала Филип Дик словно заново изобретает жанр научной фантастики, превращая его в художественный инструмент для достижения собственных целей и, если угодно, удовлетворения собственных страстей.

Перед нами восхитительная посылка, отправленная на машине времени, двадцать семь рассказов, опубликованных до выхода первой крупной повести Филипа Дика, собранные воедино ученические работы автора, которому

---

¹ Перевод С. Лобанова.

суждено было стать одним из величайших писателей двадцатого века и, не исключено, величайшим в истории писателем-метафизиком.

Дик взялся за перо в то время, когда научная фантастика переживала, по крайней мере в глазах издателей, подлинную революцию. В начале пятидесятых научная фантастика все еще ютилась в основном на страницах журналов, что означало безраздельное царствование короткого рассказа как основной формы существования фантастики. Ко времени публикации «Солнечной лотереи» в пятьдесят пятом году основной формой для фантастики становилась книга в мягкой обложке, поэтому повесть подвинула рассказ и уселась на трон.

За повесть в пятидесятые обычно выплачивался аванс — около полутора тысяч долларов. Любой писатель, ставший на скользкий путь заработков в фантастике, все равно был вынужден штамповать рассказы для журнала. А поскольку такая удача — подписать контракт на повесть! — выпадала не каждому, необходимо было сначала сделать себе имя на журнальных рассказах. Только тогда издатель мог вас заметить, и только тогда можно было рассчитывать на вожделенный контракт.

Справедливости ради надо сказать: это, в общем-то, и неплохо, даже в отношении таких литераторов, как Дик, чьим подлинным призванием стала повесть. Ведь именно благодаря подобным обстоятельствам мы и держим в руках сборник его рассказов. Двадцать семь этих и других рассказов, опубликованных до «Солнечной лотереи», стали для Дика школой в самом хорошем смысле этого слова.

Читая произведения этого сборника одно за другим, в одном томе, нельзя не заметить определенное сходство, повторяемость, некую «серийность» тем, словно автор огораживает территорию, на которой в дальнейшем и будет творить. То же самое можно видеть и в работах других писателей начала пятидесятых, да и у более поздних мастеров короткого рассказа — Джона Варли, Уильяма Гибсона, Люциуса Шепарда, Кима Стэнли Робинсона.

Но в этой книге по повторяемости тем можно узнать руку будущего мастера.

Когда писатели-фантасты при помощи короткого рассказа «столбят» территорию, на которой потом творят и которую впоследствии скрупулезно разрабатывают, они стремятся к созданию детализированной вселенной, как поступил Ларри Нивен с «Известным космосом»; или рисуют персонажей, которые путешествуют из книги в книгу, как у Кита Лаумера в «Ретифе»; или творят исторический континуум, как Роберт Хайнлайн в «Истории Будущего»; зачастую же они прибегают ко всем трем одновременно.

Это в какой-то степени коммерческий прием. Начинающий литератор, которому хватает ума или наглости взяться за профессиональную карьеру писателя-фантаста, просто обязан писать много и быстро, только для того, чтобы остаться на плаву. Гораздо проще использовать одну и ту же экспозицию, исторический фон, героев, нежели начинать каждый раз с нуля. Как показывает опыт телевизионной трансляции сериалов, последние — скорейший путь к завоеванию больших зрительских аудиторий.

Впрочем, не это интересовало Филипа Дика. Его рассказы не объединены общими героями, и автор даже не предпринимает попыток создать свою вселенную. Разве что заметны некоторые слабоуловимые связи между «Второй моделью», «В мире Иона» и «Джеймсом П. Кроу», но это вряд ли можно назвать детализированной историей будущего.

Зато невозможно не заметить стержневые темы, образы и метафизические идеи, которые получат развитие в последующих работах писателя — расширятся, углубятся, будут переформулированы и вообще займут достойное место.

От Земли остался лишь ком ядерного пепла. Роботизированные системы оружия развиваются и превращаются в злобных, бесчувственных имитаторов жизни. Гражданские свободы попораны во имя безопасности, экономического процветания или порядка ради порядка. Взаимопроникающие реальности. Злые игры и парадоксы путешествий во времени. Обычные люди заняты своими делами, и тут появляются герои, вмешивающиеся в привычный ход событий.

Эти истории родились в самый разгар холодной войны, на пике антикоммунистической истерии, устроенной сенатором Джозефом Маккарти и Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, в разгар параноидального ожидания войны атомной, когда школьникам обучали прятаться под парты при звуке сирен. По понятным причинам рассказы Дика не обойдены веянием времени. Из этого следует, что Филип Дик проявлял интерес к политике с самого начала карьеры.

Однако из этого следует и кое-что другое. В то время, когда выражать свои взгляды открыто стало весьма небезопасно, Дик громко и четко поднял голос против волны истерии — против милитаризма, шпиономании, ксенофобии и шовинизма.

Далее, глобальному политическому злу противопоставлена не глобальная политическая добродетель, а личные, духовные человеческие добродетели — скромность, героизм, альтруизм и, самое главное, способность к сочувствию. То есть то, что в конечном итоге отличает человека от машины, духовное от механического, подлинную жизнь от самой изощренно сконструированной псевдожизни, жизни искусственной.

И уж раз становятся видны программная идея и духовный стержень всего будущего творчества Филипа Дика, то проглядывают в этих рассказах и истоки специфического литературного метода, которым автор так убедительно и доверительно говорит на особом, присущем только ему языке. Для этого Дик пользуется повествованием от первого лица, задействуя несколько точек зрения.

Нельзя сказать, что применение этой техники с первых же рассказов дается ему в совершенстве. Иногда ради удобства повествование от лица одного героя бесцеремонно прерывается повествованием от другого в одном и том же эпизоде. Зачастую посередине повествования возникает новый герой, от которого и продолжается описание только потому, что эту сцену трудно вывести с уже задействованного угла зрения. Иногда герой, от лица которого ведется повествование, появляется лишь в несколько абзацах, а затем исчезает.

В этих первых рассказах Дик лишь овладевает техникой повествования от разных лиц. Хотя правильно было бы сказать, он ее изобретает в этих рассказах, потому как до него мало кто пользовался таким методом, если пользовался вообще. А значит, все мы, те, кто принял его на вооружение позже, в неоплатном долгу перед Филипом Диком, осознаем мы это или нет.

Новаторская техника Филипа Дика позволяет писателю рассказывать историю, опираясь на сознание, настроение, душевное состояние сразу нескольких персонажей, а не одного. Она сближает, помогает читателю про-

являть эмпатию, несмотря на многогранность проявлений человеческого духа, ограниченную рамками рассказа. А уж в руках такого мастера слова, как Филип Дик, новый подход распахивает окна в метафизическую многогранность самой реальности, в совершенное единство формы и содержания.

Двадцать семь рассказов перед нами далеки от совершенства. Сказать, что они представляют собой пик цветения грядущего таланта, — значило бы погрешить против правды и против писательской репутации Филипа Дика. Но и они — своего рода окна, окна в прошлое, к истокам долгого и славного пути могучего духа; а еще они — окна в будущее, в воплотившиеся видения зрелого мастера. Мастера, которым и суждено было стать юному талантливому ученику, написавшему эти рассказы.

*Норман Спинрад.
Октябрь 1986 г.*

В каком-то смысле паранойя — это современная разновидность древнего, доисторического чутья, которое и до сих пор есть у животных. У тех, на которых охотятся. Чутье на хищника, что следит за тобой. Значит, паранойя — это атавизм. Она стара, как само человечество, и живет в нас с тех давних-предавних времен, когда мы — вернее, наши предки — могли запросто стать добычей хищников. Это чутье подсказывало: за тобой следят! И следят за тобой не просто так.

Мои герои часто движимы животным чутьем.

И поскольку от этого атавизма не избавиться, атавистическим я сделал все их общество. Хотя они и живут в будущем, будущего у них нет, понимаете? Их жизни — это жизни наших предков. В смысле, их техника — техника будущего, весь антураж — из будущего, но их заботы — это заботы наших предков.

Из интервью с Филипом Диком, 1974 г.¹

---

¹ Перевод С. Лобанова.

ПЕЧЕНЬЕ¹

Ты куда, Баббер? – крикнул Эрни Милл.
Эрни готовился развозить газеты, раскладывая их на другой стороне улицы.

– Да так, никуда, – ответил Баббер Серль.

– Опять к своей подружке? – задорно расхохотался Эрни. – И чего ты к этой старушенции таскаешься? Ну-ка, расскажи нам!

Баббер не остановился. Он свернул за угол и пошел по улице Вязов. Вон уже и дом виднеется, на том конце дороги, чуть в стороне от других. Вход зарос древними чахлыми сорняками. Они шуршали и перешептывались на ветру. Дом был под стать – серенький коробок, потрепанный и некрашенный, с просевшим крыльцом. На крыльце стояло растрескавшееся кресло-качалка, с него свешивалось драное тряпье.

Баббер свернул на дорожку к дому. Поднимаясь по скрипящим ступеням, втянул носом воздух. Ах, как чудесно и тепло пахнет! Рот наполнился слюной. Баббер покрутил ручку звонка, за дверью ржаво заскрежетало. Некоторое время было тихо, потом послышалось шарканье.

Открыла миссис Дрю. Древняя-предревняя высохшая старушонка, точь-в-точь сорняк перед домом. Она улыбнулась Бабберу и отворила дверь пошире.

– Ты как раз вовремя, – проскрипела она. – Проходи, Бернارد, я его только что допекла.

Баббер заглянул в двери кухни. Вот оно, лежит себе на голубой тарелке, прямо на плите. Печенье. Целая тарелка теплого, свежего печенья. Только что из духовки. Печенье с орехами и изюмом.

– Нравится? – спросила миссис Дрю. Она прошаркала на кухню у него за спиной. – Хочешь холодного молочка? Уж очень хорошо печенье с холодным молочком.

Она принесла кувшин молока из ящика для цветов за окном, выходящим на заднее крыльцо. Налила Бабберу молока и положила немного печенья на маленькую тарелочку.

– Пойдем в гостиную, – позвала она.

Баббер кивнул. Миссис Дрю внесла молоко и печенье, поставила на подлокотник диванчика. Сама села в кресло. Баббер плюхнулся рядом с тарелкой и принялся уплетать печенье.

---

¹ Перевод С. Лобанова.

Он ел, как всегда, жадно, не видя ничего, кроме печенья. Слышалось лишь чавканье. Миссис Дрю терпеливо ждала, когда мальчик закончит и набьет и без того объемистое пузо. Разделавшись с тарелкой, Баббер устался на дверь кухни, где на плите ждала другая порция печенья.

— Может, остальное чуть позже? — предложила миссис Дрю.

— Хорошо, — согласился Баббер.

— Тебе понравилось?

— Очень.

— Вот и чудесно. — Она поуютнее устроилась в кресле. — Чем сегодня в школе занимался? Хорошо ли прошел день?

— Нормально.

Старушка заметила, что мальчик непоседливо озирается.

— Бернард, — наконец сказала она. — Может, останешься со мной подольше? Поболтаем?

У него на коленях лежали учебники.

— Не считаешь мне книжку? Я, знаешь ли, уже плохо вижу. И так приятно, когда есть кому почитать.

— А можно мне потом взять остальное печенье?

— Конечно.

Баббер повернулся к ней, придвинулся к краю диванчика. Открыл книги. Мировая география. Основы арифметики. Письмо.

— Что вам почитать?

Она задумалась.

— Географию.

Баббер наугад раскрыл большую синюю книгу. Перу.

— «На севере Перу граничит с Эквадором и Колумбией, на юге — с Чили, а на востоке — с Бразилией и Боливией. Перу разделена на три основных региона. Это, во-первых...»

Старушка смотрела, как он читает, как подрагивают при чтении пухлые щечки, как он ведет пальцем по строке. Она молча и внимательно изучала мальчика, упиваясь выражением лица, движением рук и пальцев. Затем расслабилась и погрузилась в кресло. Он сидел совсем рядом. Между ними только столик и лампа. Как хорошо, что он приходит. Вот уже больше месяца прошло с того дня, когда миссис Дрю, сидя на крыльце, увидела мальчика да и вздумала пригласить его, показав на тарелку печенья возле кресла.

Зачем она его пригласила? Старушка и сама не знала. Она так долго прожила в одиночестве, что стала замечать за собой много странностей. Да и виделась мало с кем. Только когда в магазин ходила. Или когда почтальон пенсию приносил. Или приходили мусорщики.

Мальчик читал монотонно. Ей было уютно, тихо и спокойно. Старушка прикрыла глаза и сложила руки на коленях. Она сидела так, подремывая и слушая. И вдруг что-то произошло. Что-то изменилось в старушке. Морщинки и складки посеревшей кожи разглаживались. Сидя в кресле, она молодела. Хрупкое высохшее тело наливалось юностью. Седые волосы густели и темнели, цвет возвращался в сухонькие пряди. Покрытая старческими пятнами кожа рук приобретала сочный оттенок, тот, которым она гордилась давным-давно, много лет назад.

Не открывая глаз, миссис Дрю глубоко вздохнула. Она чувствовала: что-то происходит. Но вот *что?* Чувствовала, не понимая, и наслаждалась. Так повторялось почти каждый раз, когда мальчик приходил и садился рядом.

Особенно в последнее время, после того как старушка придвинула кресло вплотную к диванчику. Она снова глубоко вздохнула. Ах, как приятно наполниться теплом! Тепло разливалось по ее остывающему телу впервые за много лет.

Сидевшая в кресле старушка превратилась в темноволосую зрелую женщину лет тридцати. Щеки округлились, налились руки и ноги. Губы размялись, а шея... шея стала даже несколько слишком мясистой, как и была в далеком забытом прошлом.

Внезапно чтение оборвалось. Баббер положил книгу и встал.

— Мне пора, — сказал он. — Можно взять остальное печенье с собой?

Миссис Дрю моргнула и очнулась. Мальчик уже стоял на кухне, набивая карманы печеньем. Она кивнула в ответ, все еще не в силах прийти в себя. Мальчик сгреб последнее печенье и прошагал к выходу через гостиную. Миссис Дрю поднялась. Тепло разом отхлынуло. Как же она устала, устала и высохла! Вдруг стало душно, и старушка часто задыхалась. Опустила глаза на ручки — сморщенные, тощие.

Старушка охнула. Слезы застилали глаза. Все исчезло, стоило мальчишке отодвинуться от нее. Дрожа, она проковыляла к зеркалу над камином. Ей ответил блеклый старческий взгляд. Глаза провалились на сморщенном личике. Все исчезло, лишь только мальчишка отошел.

— Пока, — услышала она голос Баббера.

— Пожалуйста, — шепнула старушка, — пожалуйста, приходи еще. Ты ведь придешь еще?

— Конечно, — неохотно ответил Баббер и толкнул дверь. — До свиданья.

Мальчик затопал по ступенькам. Через мгновение хозяйка услышала шаги на тротуаре. И он исчез.

— Баббер, а ну немедленно домой! — гневно крикнула Мэй Серль с крыльца. — Быстро домой и за стол!

— Хорошо.

Баббер медленно поднялся на крыльцо и зашел, едва волоча ноги.

— Да что с тобой такое происходит? — Она схватила сына за руку. — Ты где был? Ты что, заболел?

— Я устал. — Баббер потер лоб.

Из гостиной вышел отец, в майке и с газетой в руках.

— Что случилось? — спросил он.

— Ты только взгляни на сына! — ответила Мэй Серль. — Посмотри, он ведь совсем измотан! Ты чем занимался, сынок?

— Он снова был у этой бабки, — догадался Ральф Серль. — Разве не видишь? Он от нее всегда такой измученный приходит. Ты зачем к ней ходишь, Баббер? Чем вы там занимаетесь?

— Да она его печеньем кормит, — ответила Мэй, — ты же знаешь, какой обжора твой сын. А за печенье что угодно сделает.

— Сынок, послушай меня, — сказал отец. — Я больше не хочу, чтоб ты ходил к этой чокнутой старухе. Понял? Знать не желаю, сколько она дает тебе печенья. Ты ведь домой совсем без сил приходишь! Все, хватит. Понял?

Баббер прислонился к двери и уставился в пол. Он чувствовал каждый тяжелый удар утомленного сердца.

— Я уже пообещал ей прийти, — пробормотал он.

— Можешь сходить, — Мэй пошла в столовую, — но только в последний раз! Не забудь сказать ей, что больше не придешь. Смотри, разговаривай вежливо. А теперь навверх, умываться.

— Лучше бы ему прилечь после еды. — Ральф проследил взглядом за сыном. Тот медленно поднимался по ступеням, вцепившись в перила. Отец покачал головой: — Ох, не нравится мне это. Не надо бы ему туда идти. Старуха явно ненормальная.

— Это будет в последний раз, — ответила Мэй.

Пришла теплая и солнечная среда. Баббер вышагивал по улице, сунув руки в карманы. Остановившись перед аптекой Макуэйна, он приценился к комиксам. У аппарата с водой стояла женщина и пила газировку с шоколадным сиропом из большого стакана. Бабберу хватило одного взгляда, чтобы рот наполнился слюной. В этот момент все и решилось. Он развернулся и вновь отправился в путь, на сей раз даже ускорив шаг.

Через несколько минут он стоял на мрачном просевшем крыльце и скрежетал звонком. Под ногами шуршали на ветру сорняки. Было почти четыре, и он не смог бы остаться надолго. Впрочем, все равно он пришел сюда в последний раз.

Дверь открылась. На сморщенном личике миссис Дрю проступила улыбка.

— Заходи, Бернард. Отрадно видеть тебя на моем пороге. Я чувствую себя совсем молодой, когда ты приходишь в гости.

Он вошел и огляделся.

— Сейчас поставлю печенье. А я ведь тебя и не ждала. — Она прошаркала на кухню. — Поставлю прямо сейчас. Присядь пока на диванчик.

Баббер подошел к диванчику и уселся. Ни столика, ни лампы рядом не было. Он заметил, что кресло придвинуто прямо к диванчику. Когда миссис Дрю вернулась в комнату, он смущенно разглядывал кресло.

— Печенье уже в духовке. Тесто я приготовила заранее. Итак... — Она со вздохом уселась в кресло. — Ну, как все прошло сегодня? Как дела в школе?

— Прекрасно.

Миссис Дрю кивнула. Какой же он пухленький, этот малыш. Сидит себе рядышком, а круглые щеки полыхают румянцем. Она почти касалась его, так близко мальчик сидел. Старческое сердце глухо застучало. Ах, если б молодость вернулась. С чем сравнить юность? Да ни с чем! Что жизнь для старухи? «Когда весь мир так стар, мой друг...»¹

— Не хочешь мне что-нибудь почитать, Бернард? — наконец спросила миссис Дрю.

— Я не захватил книг.

— Что ж, — кивнула она и поспешно добавила: — У меня найдутся. Сейчас принесу.

Миссис Дрю поднялась и подошла к шкафу. Когда она открыла дверцу, Баббер сказал:

— Миссис Дрю, отец говорит, что мне нельзя больше к вам приходиться. Он отпустил меня сюда в последний раз. Думаю, надо вам сказать.

Она замерла. Все вокруг покачнулось, комната безудержно завертелась вокруг. Старушка испуганно и хрипло вздохнула.

— Бернард, ты больше... больше никогда не придешь?

---

¹ Аллюзия на стихотворение Ч. Кингсли «Young and Old».

— Нет, отец не разрешает.

Повисла тишина. Старушка взяла книгу наугад и вернулась в кресло. Прошло какое-то время, прежде чем она протянула Бернарду книгу дрожащей рукой. Мальчик машинально взял книгу и посмотрел на обложку.

— Пожалуйста, читай, Бернард. Пожалуйста.

— Хорошо. — Он раскрыл книгу. — Где начать?

— Где хочешь. Где хочешь, Бернард.

Он принялся читать что-то из Гроллопа. Она слушала вполуха, приложив ладонь ко лбу. Какая сухая кожа, неживая и тонкая, как истлевшая бумага! Старуха вздрогнула от пронзительной боли — он больше не придет...

Баббер читал медленно, невыразительно. О стекло билась муха. Солнце за окном садилось, в воздухе повеяло прохладой. Откуда-то набежали облака, ветер яростно зашуршал листвой.

Старуха села совсем рядом, ближе, чем обычно, вслушиваясь в его голос, ощущая его так близко. Неужели это правда в последний раз? Сердце всколыхнулось от ужаса, и ей пришлось подавить страх. В последний раз! Она не сводила с мальчика глаз. Ах, как он близко... Старуха протянула высохшую руку. Глубоко вздохнула. Он никогда больше не придет. И ни разу больше *так* не будет, ни разу. Он сидит здесь с ней в последний раз.

Она тронула его за руку.

Баббер оторвал взгляд от книги.

— Что такое? — спросил он.

— Можно, я возьму тебя за руку?

— Э-э... Пожалуйста.

Он продолжил читать. Старуха чувствовала: его молодость струится между пальцами прямо ей в руку. Пульсирующая, звенящая молодость. Он так близко. Так близко они еще не были. Она никогда прежде не касалась его, такого юного, вот так, рукой. От вкуса жизни у старухи закружилась голова.

Наконец началось то, что происходило всегда. Она закрыла глаза, отдаваясь чувству, наполняющему старческое тело через его голос и прикосновение руки. Женщина начала меняться, ее охватило сияние, тепло, полнота чувств. Тело расцветало, наполняясь жизнью и сочной спелостью — всем, что было у нее много лет назад.

Она взглянула на руки. Те округлились, ногти стали чистыми и прозрачными. А волосы!.. Вновь смоляные. Такие тяжелые и смоляные на фоне кожи. Прикоснулась к щеке. Ни морщинки. Упругая и нежная кожа.

Радость охватила миссис Дрю. Взрыв безудержной радости. Она окинула комнату новым взглядом. Улыбнулась алыми губами. Ах, какие крепкие зубы и десны! Не в силах сдерживаться, вскочила на ноги, уверенная в силе нового тела. Проворно описала небольшой круг по комнате.

Баббер перестал читать.

— А печенье готово? — спросил он.

— Сейчас посмотрю.

В голосе ее звучала жизнь, то, что высохло и испарилось много лет назад. И вот он снова с ней, ее голос, глубокий и чувственный. Женщина быстро прошла на кухню и открыла духовку. Достала печенье и разложила его на плите.

— Все готово, — весело позвала она. — Иди, ешь!

Баббер припелся, пожирая печенье глазами, даже не заметив хозяйки у дверей.